

сознания, трансцендирующее материю, пространство, время и линейную причинность. Для описания человека необходимо принять то, что он есть, материальный объект и обширное поле сознания.

Выводы. Основой теоретической модели является признание природы человека, как проявляющая свойства сложного ньютоновско-картезианского объекта и поля сознания не ограниченного временем, пространством и линейной причинностью. Эмоциональные и психосоматические расстройства психогенной природы видны выражением конфликта между этими двумя аспектами человеческой природы.

Таким образом, по своему предназначению философия не дает решений. Ее позиция, заключается, в том, что человек представляет собой вид белковой формы жизни. Органика человека является антропологической данностью. Следовательно, заменить живую жизнь механизмом отвергается философской антропологией. В этом случае речь идет не о преобразении человеческой природы, а о её переосмыслении.

Источники и литература:

1. Гуревич П. С. Логика БИОСа и мозг машины / П. С. Гуревич // Философия и культура. – 2008. – № 8. – С. 28-36.
2. Глюксманн А. Философии ненависти / А. Глюксман. – М. : АСТ, 2006. – С. 16.
3. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. – М. : АСТ, 2002. – С. 91.
4. Дугин А. Г. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна / А. Г. Дугин // Вестник аналитики. – 2007. – № 1. – С. 132.
5. Кутырев В. А. Смерть человека в философии постмодернизма / В. А. Кутырев // Личность. Культура. Общество. – М., 2007. – С. 50.
6. Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Культурная революция, 2005. – Т. 2. – 556 с.
7. Смирнов С. А. Современная антропология. Аналитический обзор / С. А. Смирнов. – М. : Изд-во Алгоритм, 2003. – С. 83-95.
8. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм; пер. с англ. Э. Телятниковой. – М. : АСТ, 2000. – С. 138-139.
9. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – М., 1913. – 448 с.
10. Цит. по: Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 60-61.
11. Цит. по: Лисевич И. С. Древнекитайская философия / И. С. Лисевич // Человек. 1991. – Т. 1. – С. 27.
12. Шелер М. Философское мировоззрение / М. Шелер // Избр. произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – С. 41-42.
13. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М. : Практика, 2007. – С. 40.

Ставицкий А.В.

УДК 101.1:316

«НАУЧНЫЙ» МИФ ПОЗИТИВИЗМА: ПРОБЛЕМА НЕПРОЯВЛЕННОСТИ

Известно, что парадокс процессов обретения знаний связан как с убеждениями, так и с предубеждениями. И поэтому на наш взгляд даже исследование мифов, как заблуждений тех или иных эпох, на сегодня является не менее ценным и интересным, чем исследование тех истин, которые временем подтвердились. Почему? Да хотя бы потому, что в этих заблуждениях видна эпоха, и видна потенция. Не говоря о том, что каждое заблуждение отражает связность бытия в её глубинной сути, не менее, чем та истина, которая, по мнению учёных, подтвердилась. Ведь они не случайны и являются продуктом определённого действия и состояния. Продуктом среды и эпохи.

Впрочем, так ли уж много истин, подтвердившихся временем? И подтверждает ли это, что они – навсегда? Что они значат относительно вечности? И как должны измениться, чтобы сохранить себя? «Сама идея прогресса названа детской иллюзией, вместо него проповедуется "реализм", новое слово для окончательной потери веры в человека» [1], - сетовал на новые времена психолог Э. Фромм. Но кто называет идею прогресса детской иллюзией? Кто проповедует реализм и подрывает веру? Не наука ли? Чьи идеи она критикует? Не свои ли? И нуждается ли она вообще в вере? В какой степени вера соотносится с рациональностью? А если не соотносится, то зачем наука к ней прибегает? Или критика «прогресса» ничем не обоснована?

В описании российского философа А. П. Назаретяна, в период своего обеспеченного достижением науки расцвета позитивистская идеология «пропитала своим пьянящим запахом интеллектуальную атмосферу эпохи. Научная (читай: «истинная») картина мира была близка к завершению, открытие стройных и ясных законов природы демонстрировало могущество человеческого мышления. Человек навсегда освободился от диктата выдуманных богов, своевольных царей и наивных предрассудков. Темное прошлое виделось вереницей заблуждений и несчастий, а светлое будущее - безоблачным царством Разума. Везде - в науке, в экономике, в политике - требовалось только последнее решающее усилие, чтобы достроить до конца здание истины, счастья и справедливости, и совершить это усилие, о котором будут с благодарностью вспоминать потомки, суждено ныне живущим поколениям» [2, с. 77].

Спрашивается, насколько подобная картина соответствовала реальности, а если не соответствовала, можно ли считать её результатом научного мифотворчества? Или наука к этому не имеет никакого отношения? К сожалению, имеет. И прод

Одним из проявлений научного мифотворчества является борьба науки с религией, особенно активизированная в последние десятилетия на Западе под знамёнами сциентизма. Однако сколько в этой борьбе науки и сколько политической мотивации, сказать довольно трудно. Действительно ли религия представляет собой воплощение догматического и авторитарного духа, который нужно отбросить или преодолеть? Можно ли было, преодолев религию, преодолеть и догматизм? И вообще можно ли преодолеть религию? И нужно ли? Ведь наука религию заменить не может. Является ли «религия» извечным источником зла, безумия и тирании, как это утверждает, опираясь на доктрину сциентизма, Р. Докинз [См.: 3] и его сторонники? Действительно ли «корнем всего зла», которым болеет человечество, является именно вера? Не является ли такая позиция при всей своей обоснованности прикрытием других более универсальных и глубинных проблем? Не стоят ли за такой научно оформленной непримиримостью задача через удар по религии ослабить те осмысленные в ней традиции, на которых держится цивилизационная и национальная идентичность? Ведь ясно, что там, где формируется новый мировой порядок, идентичность является важным и существенным препятствием на пути превращения народов в «атомизированное» население.

Действительно, у многих учёных вызывает сожаление, что «в современную эпоху, несмотря на колоссальные достижения науки о природе, миллионы людей по-прежнему верят в то, что в основе материального мира кроется нечто сверхъестественное, и что посредством определенных процедур можно установить прямую связь с этим таинственным началом бытия» [4, с. 2]. Впрочем, возможно, эта связь никогда не прерывается, потому что с точки зрения восприятия мира он уже находится в нас и является нашей частью. Мы несём весь мир, родной нам и близкий в себе, вбирая его в себя, и никакого другого мира, кроме того, который приняли всей душой, не знаем. В этом смысле солнце встаёт для нас и светит нам. Дождь «общается» с нами, заливая струями воды. Деревья и трава шепчут нам о чём-то своём, что нам не понятно, но бесконечно близко. Волны плывут к нам и ласкаются на берегу у наших ног. Актёры играют для нас пьесы, а писатели пишут для нас и через книги с нами «говорят». Весь мир «говорит» с нами каждую минуту, передавая через органы чувств нам информацию, которая воспринимается нами как «живая», хотя мы этого и не осознаём. И это есть наш миф.

Возможно, поэтому одним из самых интересных подходов в истории является установка воспринимать и подавать общество как живой организм. И в подобном отношении ничего особо мистичного нет. Недаром историк В. О. Ключевский в своё время писал: «Человеческое общежитие – такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта – такая же неустранимая

в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются – словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы» [5, С. 34].

Естественно, можно воспринимать этот образ как мифологически окрашенную метафору, которая в сжатой, но достаточно ёмкой форме раскрывает то явление, изучению, пониманию и объяснению которого в иной, строго научной форме понадобилось бы написать целую книгу. Ведь, как известно, в науке прибегают к метафоре тогда, когда, столкнувшись с необходимостью описания чего-то нового, исследователи испытывают терминологический дефицит. Хотя, возможно, проблема не только в нём, но в том уровне постижения наукой действительности, когда она не может обойтись как без терминологического аппарата, так и без осмысленной в образно-символическом ключе картины происходящего, которая может родиться, казалось бы, из обычных фраз.

Однако, большинство исследователей к мифу относятся иначе, приписывая мифотворчество если не исключительно первобытным племенам, то тоталитарным обществам, которые, в отличие от демократических стран, мифы переполняют. Так один из исследователей советской мифологии М. Хагемейстер подчёркивал: «Бросавшаяся в глаза особенность советского общества состояла во вездесущности ритуалов и символов, в магическом восприятии слов, текстов и картин» [7, с. 106]. И мы не будем с его мнением дискутировать. Отметим лишь, что работы современных семиологов (в частности Р. Барта, К. Леви-Строса, Ю. М. Лотмана) наглядно показывают, что подобные вещи свойственны всем обществам и народам. Каждой стране и цивилизации. В том числе и той, от имени которой М. Хагемейстер выступает. Только этого уже уважаемый исследователь не видит, будучи совершенно убеждённым, что он абсолютно защищён от влияния мифа аналитическим мышлением, научным методом и западной демократией. Следовательно, свою мифологию, он совершенно не распознаёт и изучать в мифе способен лишь отдельные частности.

Впрочем, мифотворчество неизбежно для науки не только потому, что она не может заниматься лишь теми вещами и явлениями, которые можно только научно изучать. Уже в силу своей рукотворности наука не в состоянии избежать мифотворчества. Причём, даже в том случае, когда исследует миф. Более того, у нас есть все основания воспринимать каждое исследование мифа, как своеобразное мифотворчество, независимо от подходов каждого конкретного исследователя.

В связи с этим А. М. Пятигорский писал: «Я не знаю ни одной философии, которая не была бы мифологична. Более того, я думаю, что очень многие положения науки мифологичны. Но, когда мы говорим “мифологичны”, мы не должны забывать, что здесь нет самонаблюдения и самосознания. Человек, который признаёт, что вещи, которые он говорит, отсылают нас к какому-то мифу, уже чрезвычайно многим рискует, потому что он уже не отделяет себя от объекта своего мышления» [6]. А это уже признак

Мы не замечаем проявление мифа в науке, потому что он исчезает в ней, действуя через её и своё опосредованное становление. И если он сквозь внешнюю рациональность не проступает, кто будет обращать на него своё внимание? Кто будет признаваться себе и другим в том, что действовал спонтанно и интуитивно, полагаясь на ассоциации, волю случая и какой-то «внутренний голос»? Значит, объяснение того, что произошло в мозгу исследователя сразу и практически само собой, став для него «фактом сознания», будет осуществляться детально, всесторонне и обстоятельно. Одним словом, достаточно грамотно, чтобы никто не заподозрил исследователя в мистике и был его объяснением удовлетворён.

Впрочем, считать, что такие учёные вводят других в заблуждение сознательно, будет, по всей видимости, некорректным, так как они могут заблуждаться сами, совершенно не учитывая бинарное устройство культуры, одной из составляющих которой является наука. Говоря о важности бинарного устройства и функционирования культуры, Ю. М. Лотман подчёркивал, что «ни один из реально данных нам текстов не является продуктом какого-либо одного механизма порождения. Такие тексты были бы бесполезны как генераторы новых смыслов. Даже научные тексты, которые должны были бы создаваться в

чуждых им, семиотических сфер» [8, с. 583]. Итак, в процессе коллективного творчества участвует вся культура, как целое. И каждая её часть, проявленная в мифе или в противостоящей ему и воплощённой в науке рациональности, творит в рамках целого своё. То, что другая часть культуры сделать не может, но должна отчасти трансформировать под себя, а отчасти принять.

как представления о вероятностном характере научного знания сочетаются с установками типа той, которая также принадлежит Б. Расселу и сводится к следующему: «Знание можно получить лишь с помощью научных методов, и поэтому невозможно знать о том, что наука в принципе не способна обнаружить» [9]. Интересно, можно ли научно доказать истинность этого утверждения Б. Рассела? Особенно, если учесть крайнюю спорность первой части и выводимую из неё логическую бесспорность второй. Ведь согласно Б. Расселу, получается, что до возникновения науки, а она возникла лишь в эпоху Просвещения, человечество вообще никакими знаниями не обладало. Но ведь это не так. А если в первой части Б. Рассел исходит из заведомо ложной посылки, то может ли данное положение быть обосновано научным методом?

Спору нет, конечно, Б. Рассел прав, утверждая, что «невозможно знать» того, что обнаружить нельзя «в принципе». И кто бы сомневался? Но как определить, что именно наука в принципе не способна обнаружить что-то в рамках конкретной информации, если круг её знаний постоянно расширяется? При этом, упомянем и «научные методы», которые находятся в состоянии непрерывного становления и, следовательно, могут существенно обновляться и корректироваться, а у Б. Рассела они представлены как изначально заданные и неизменные условия. Какой же вывод напрашивается после анализа рассуждений Б. Рассела по данному вопросу? Что за внешней логичностью его приведённых выше рассуждений скрывается своя мифология, вынуждающая Б. Рассела придерживаться тех взглядов, которые он выдаёт за научные.

Следует отметить, что влияние взглядов Б. Рассела на научные построения ощущаются до сих пор. Так, в частности, благодаря укоренившемуся в современной культуре сциентизму, наука однозначно отождествляется с разумом, а научность подаётся аналогом истинности. В свою очередь то, что нельзя обнаружить средствами науки, согласно данной позиции не существует, а всё ненаучное адекватно ложному, иррациональному, несуществующему. И, надо полагать, примерно таких же взглядов и логических построений придерживаются те учёные, которые пытаются сводить человеческое мышление к электромагнитным процессам в мозгу. Понятно, что в данном случае речь идёт о тех средствах исследования, которыми наука располагает. А значит, для неё образ розы не пахнет. Да и вообще есть ли он, если при вскрытии его нельзя обнаружить? О чём это говорит? О том, что в науке продолжает господствовать предрассудки, которые сродни убеждениям инквизиции. И построены они на вере. Крайне примитивной вере в науку, для которой якобы преград не существует.

Впрочем, сциентисты полагают иначе, почему-то считая, что они обладают знаниями, позволяющими им решить проблемы, выходящие за пределы компетенции науки. В результате, по их мнению, правильно считать, что религия в любой форме наносит вред свободе и демократии, а верующие люди представляют опасность для будущего человечества. И значит, победа светлых идеалов гуманизма без полного уничтожения религий невозможна.

В своё время, пытаясь разобраться в представленном в культуре смысловом многообразии, выдающийся российский мыслитель Г. Д. Гачев предложил понятие «возлюбленной непохожести», согласно которому многообразие есть одно из важнейших условий развития культуры, важнейшей частью которой является наука. Но какой бы важной ни была она, заменить всё остальное она не может и не должна. И, поскольку речь, в конечном счёте, идёт о мифе, нам стоит вслед за Г. Д. Гачевым подчеркнуть, что «каждая предметная тема, исследование, имеет лично-психологическое объяснение» [10]. Это объяснение не может заменить сам процесс, зато наполняет его теми образно оформленными смыслами, которые строго научными назвать уже нельзя. И значит, мифология рождается в науке вместе с обоснованием в той степени, в какой научный процесс будет воспринят личностно. И в этих личностно понятых представлениях, как бы логично они ни выглядели, будет существовать и развиваться та мифология, с которой наука последовательно и безуспешно столько столетий борется, фактически не

Источники и литература:

1. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики : [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/fromm04/txt01.htm>
2. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование / А. П. Назаретян. – М. : Мир, 2004. – 367 с.
3. Докинз Р. Бог как иллюзия / Р. Докинз. – М. : КоЛибри, 2008. – 560 с.
4. Психология религиозности и мистицизма : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. – Мн., М. : Харвест; АСТ, 2001. – 544 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1 : Курс русской истории : ч. 1. – 430 с.
6. Пятигорский А. М. Мифология и сознание современного человека : [Электронный ресурс] / А. М. Пятигорский. – Режим доступа : <http://www.polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/>
7. Мифы и мифология в современной России / под ред.: К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2000. – 216 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
9. Рассел Б. Наука и религия. Главы из книги : [Электронный ресурс] / Б. Рассел. – Режим доступа : http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.txt
10. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : [Электронный ресурс] : лекция / Г. Д. Гачев. – Режим доступа :